

УДК 821(470)-31

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-23-37

Публицистика и контрпублицистика:
о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова
«Золотой теленок»

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу цензурных вмешательств в издания романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок». Выявляется специфика деятельности цензоров, соотношенная с конкретными политическими установками, актуальными на период подготовки каждой публикации. Анализируется мотивация цензурировавших романский текст и конкретные результаты их деятельности. Установлено, что исходная публицистическая компонента в рукописи, подготовленной самими авторами, существенно снижена при цензурном контроле.

Ключевые слова: И.А. Ильф, Е.П. Петров, «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», А.В. Луначарский, Б. Волин, Главлит

Для цитирования: Фельдман Д.М. Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 23–37. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-23-37

Publicity and counter-publicity.
On the textology of the novel “Zolotoi telenok”
by I.A. Ilf and E.P. Petrov

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of censorship interventions in the editions of the novel “Zolotoi telenok” by I.A. Ilf and E.P. Petrov. It reveals the specifics of the censors’ activities, correlated with specific political attitudes relevant to the period of preparation for each publication. The motivation of those who censored the novel text and the specific results of their activities are analyzed.

© Фельдман Д.М., 2024

It is found that the original journalistic component in the manuscript prepared by the authors themselves was significantly reduced under censorship control.

Keywords: I.A. Ilf, E.P. Petrov, “Dvenadtsat stuliev”, “Zolotoi telenok”, A.V. Lunacharsky, B. Volin, Glavlit

For citation: Feldman D.M. “Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel ‘Zolotoi telenok’ by I.A. Ilf and E.P. Petrov”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 11, pp. 23–37, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-23-37

Вместо пролога

С января 1928 г. роман «Двенадцать стульев» начал публиковать столичный ежемесячник «30 дней». По прошествии трех лет в январском номере этого журнала началась публикация второй книги дилогии о похождениях Остапа Бендера – «Золотой теленок».

Авторы к тому времени добились всесоюзной, да и мировой известности. Роман «Двенадцать стульев» уже дважды вышел отдельным изданием, готовилось третье, за границей опубликованы переводы на иностранные языки, завершилась дискуссия о допустимости сатиры в СССР (подробнее см.: [Одесский, Фельдман 2015, с. 223–249; Одесский, Фельдман 2018, с. 469–486]). Но в августе 1931 г. редакция журнала «30 дней» изрядно удивила читателей. Вместо очередных глав романа «Золотой теленок» – портреты авторов и статья о них А.В. Луначарского¹.

Он уже не руководил тогда Народным комиссариатом просвещения, работал в Центральном Исполнительном Комитете СССР, но по-прежнему был представителем высшей партийной элиты, причем и академиком стал. Его авторитет понадобился главному редактору журнала «30 дней», чтобы противостоять внезапному запрету на продолжение публикации романа «Золотой теленок».

Запрет поступил из так называемого Главлита – Главного управления по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения. В конце июня 1931 г. эту цензурную инстанцию возглавил критик Б. Волин, давний недруг авторов романа. Его они в одном из фельетонов зло высмеяли, сравнив с недалеким, тщеславным и сервильным школьником, претендующим на статус «первого ученика»².

¹ Луначарский А. Ильф и Петров // 30 дней. 1931. № 8. С. 62–65.

² Цит. по: Ильф И.А., Петров Е.П. Три с минусом: Отчет о диспуте «Писатель и политграмота». Состоялся 7 X в Театре революции // Ильф И.А., Петров Е.П. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска:

Став главлитовским начальником, Волин получил наконец возможность свести с обидчиками счеты. Вот и поспешил воспользоваться служебными полномочиями³.

Глава редакции, так называемый ответственный редактор, имел право опротестовать волинское решение в ЦК партии, но выбрал другой аргумент: ответил цензурному начальнику статьей Луначарского. Тот последовательно и умело защищал Ильфа и Петрова. Доказывал, что оба романа диологии постольку весьма полезны советскому режиму, поскольку высмеивают его противников, дискредитируют их, лишая каких-либо читательских симпатий.

Публикация романа «Золотой теленок» продолжилась в ноябре. Завершилась она в декабрьском номере журнала. Но Волин запретил отдельное издание романа. Имел право. Снять главлитовский запрет удалось стараниями влиятельных заступников, и вторая книга диологии была на исходе 1932 г. подписана к печати.

Ильф и Петров сумели противостоять Главлиту. Однако помимо этой цензурной инстанции были и другие.

Первым цензором романа стал один из журнальных редакторов, которому было поручено редактирование предоставленной авторами рукописи. Контроль так называемой политической выдержанности – редакторская обязанность.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится первый из сохранившихся экземпляров рукописи. Это автограф Петрова и машинопись с правкой. Далее – ЗТАМ⁴.

Первый из сохранившихся экземпляров рукописи, согласно редакционным правилам, был перепечатан. Туда редактор вносил свою правку. Машинописная копия не сохранилась, но публикация в журнале позволяет выявить редакторские интенции.

Редактор ЗТЖ устранил не только фрагменты, сочтенные им политически неуместными. Внес также обильную, причем излишнюю, а порой и вредную стилистическую, т. е. вкусовую, правку. Соответственно, публикация в журнале «30 дней» – второй из сохранившихся вариантов романа. Далее – ЗТЖ⁵.

Первое отдельное издание романа было подготовлено издательством «Федерация». Согласно выходным данным, опубликовано

Рассказы, фельетоны, очерки, пьесы, сценарии / сост., вступ. ст., коммент. М. Долинского. М.: Книжная палата, 1989. С. 214–217.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 272. Л. 35–38: *Волин Б.М.* Оргбюро ЦК ВКП(б) (впервые опубликовано: [Горяева 2009, с. 210]).

⁴ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 38: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок.

⁵ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок // 30 дней. 1931. № 1–7; 10/11–12.

в 1933 г. Основа – журнальный вариант. Но издательский редактор тоже внес свою цензурно-вкусовую правку. Это третий вариант романа. Далее – ЗТФ33⁶.

Четвертый вариант – отдельное издание, выпущенное издательством «Советская литература» в 1933 г. Оно подготовлено на основе предыдущей публикации, но с очередной редакторской правкой. Далее – ЗТСЛ33⁷.

Пятый вариант – отдельное издание романа, выпущенное в 1934 г. издательством «Советская литература». Оно подготовлено на основе последней из предыдущих публикаций и тоже с редакторской правкой. Далее – ЗТСЛ34⁸.

Шестой вариант – отдельное издание романа, выпущенное в 1934 г. издательством «Советский писатель». Оно подготовлено на основе последней из предыдущих публикаций и тоже с редакторской правкой. Далее – ЗТСП34⁹.

Седьмой вариант – издание романа в составе дилогии. Этот однотомник выпущен издательством «Советский писатель» в 1935 г., основой была последняя из предыдущих публикаций, куда редактор внес правку. Далее – ЗТСП35¹⁰.

Восьмой вариант – отдельное издание романа, выпущенное Государственным издательством художественной литературы в 1936 г. Основой была последняя из предыдущих публикаций, куда редактор внес правку. Далее – ЗТХЛ36¹¹.

Девятый вариант романа опубликован во втором томе четырехтомного собрания сочинений Ильфа и Петрова. Выпустило его издательство «Советский писатель» в 1938 г., основой была последняя из предыдущих публикаций и тоже с редакторской правкой. Далее – ЗТСП38¹².

Как известно, Ильф умер в 1937 г. Туберкулез. Пять лет спустя погиб в авиационной катастрофе Петров.

⁶ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Федерация, 1933. 440 с.

⁷ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советская литература, 1933. 430 с.

⁸ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советская литература, 1934. 340 с.

⁹ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1934. 342 с.

¹⁰ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935. С. 261–526.

¹¹ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Худож. лит., 1936. 384 с.

¹² *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 2. 330 с.

Следующее издание романа выпущено издательством «Советский писатель» в 1948 г. Как повелось, на основе последней из предыдущих публикаций и с очередной редакторской правкой. Это десятый вариант романа. Далее – ЗТСП48¹³.

Второе посмертное издание выпустило Государственное издательство художественной литературы в 1956 г. Основой стала последняя из предыдущих публикаций, куда внесена редакторская правка. Это одиннадцатый вариант романа. Далее – ЗТХЛ56¹⁴. Он тиражировался в течение пяти лет. Ну а в 1961 г. пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова выпущено Государственным издательством художественной литературы. «Золотой теленок» – в составе второго тома¹⁵. Это комментированное издание. Комментаторами указаны и эдиционные принципы: «Печатается по тексту Собрания сочинений в четырех томах, т. II, “Советский писатель”, М., 1938, сверенному со всеми предшествующими публикациями» [Вулис, Галанов 1961, с. 546]. Сказанное комментаторами соответствовало тогда актуальным советским текстологическим установкам. Подразумевалось, что лишь последнее из прижизненных изданий соответствует «авторской воле».

Характерно, что такая установка распространялась только на издания произведений, относившихся к советской литературе. Наличие цензуры в досоветскую эпоху не подвергалось сомнению.

Девятый вариант романа – ЗТХЛ38 – считался последним из прижизненных изданий, в связи с чем и был признан «отражающим авторскую волю». Правда, комментаторы в 1961 г. не сообщили, выявлены ли какие-либо разночтения при сверке «со всеми предшествующими публикациями».

Умолчание закономерно: основой нового издания стало последнее из предшествовавших – ЗТСП56. Туда очередной редактор свою правку внес, так что издан был двенадцатый вариант романа. Далее – ЗТХЛ61.

Он и тиражировался в советскую эпоху. Аксиоматически подразумевалось, что все текстологические проблемы решены, вот почему этот вариант именовали даже «каноническим».

¹³ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1948. С. 341–691.

¹⁴ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 327–652.

¹⁵ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 2. С. 5–386.

В данной статье не рассматривается многослойная вкусовая редакторская правка. Она столь обильна, что для ее анализа не хватило бы и объема всего номера.

Не рассматриваются также редакторско-цензорские манипуляции в связи с эпиграфом к роману и предисловием «От авторов». Они рассмотрены в публикациях, указанных ниже [Одесский, Фельдман 2015, с. 223–249; Одесский, Фельдман 2018, с. 469–486].

Рассмотрена в данной статье редакторская правка, обусловленная установками политического характера. Она тоже многослойна и весьма обильна, потому выбраны лишь несколько примеров.

Конвенциональная специфика

Первая глава хрестоматийно известного романа в ЗТАМ началась рассуждениями о пешеходах. С этой точки зрения примечателен довольно пространственный фрагмент:

Они, давшие миру таких замечательных людей, как Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский и Гутенберг, они, выделившие из своей среды таких завзятых пешеходов, как Пушкин, Вольтер, Мейерхольд и Анатолий Франс, – принуждены теперь кривляться самым пошлым образом, чтобы только напомнить о своем существовании.

Редакторы ЗТЖ и ЗТФ33 внесли в текст изменения вкусового характера. Ну а в ЗТСП48 уже нет упоминания о Вс.Э. Мейерхольде, что симптоматично. В 1939 г. всемирно известный режиссер был арестован, затем осужден за так называемую контрреволюционную деятельность и расстрелян. Семнадцать лет спустя он признан невиновным, однако вернуть исходный вариант фрагмента публикаторы не могли.

После рассуждений о пешеходах в ЗТАМ появляется главный герой. Далее – о его впечатлениях:

Он увидел десятка полтора голубых, резедовых и бело-розовых звонниц; бросилось ему в глаза облезлое кавказское золото церковных куполов. Флаг клубничного цвета трещал над официальным зданием.

Редактор ЗТЖ заменил слово «кавказское» на «американское» и удалил фрагмент «клубничного цвета». Правка в обоих случаях цензурная.

Термин «кавказское золото» еще с досоветской поры использовался для обозначения подделок, многие из которых изготавливались тогда на Кавказе. Например, карманные часы в корпусе из позолоченной меди или медных сплавов, нательные кресты, серьги, кольца, броши. Подобного рода изделия, когда их продавали, не отличались внешне от золотых, но вскоре позолота облезала, и тогда был виден металл потускневший, значит, отнюдь не драгоценный. Вот редактор и устранил характеристику, компрометирующую, по его мнению, республики советского государства. США же компрометировать не возбранялось.

Характеристика «клубничного цвета», вероятно, показалась редактору тоже компрометирующей. Однако нет оснований полагать, будто в данном случае Ильф и Петров иронизировали. Наоборот, они подчеркнули: флаг – ярко-красный. Значит, выцветавшие от солнца, дождей и снега полотнища заменяются на флаштоке регулярно, что и характеризует отношение городской администрации к советской государственной символике.

«О том, как Паниковский нарушил конвенцию» – название первой главы романа. В следующей же сообщается, что это было за нарушение.

Повествованию мошенника-рецидивиста Балаганова авторы предпослали ироническую характеристику описанной им ситуации. В ЗТАМ сказано:

Анархия раздирала корпорацию детей лейтенанта, и они не могли извлечь из своей профессии тех выгод, которые она, несомненно, могла принести.

Трудно найти более удобный плацдарм для всякого рода самозванцев, чем наше обширное государство, переполненное или сверх меры подозрительными, или чрезвычайно доверчивыми администраторами, хозяйственниками и общественниками.

Но редактор ЗТСЛЗЗ счел характеристику неуместной. Он создал новый вариант:

Анархия раздирала корпорацию детей лейтенанта. Они не могли извлечь из своей профессии тех выгод, которые, несомненно, могло им принести минутное знакомство с администраторами, хозяйственниками и общественниками, людьми по большей части удивительно доверчивыми.

Упоминание о подозрительности «сверх меры» удалено по соображениям цензурного характера. В новом варианте характеристизо-

валось уже не «государство», а лишь некоторые «администраторы, хозяйственники и общественники» – те, что бывают «удивительно доверчивыми».

Но авторы романа не о доверчивости рассуждали. Имелись в виду ее причины – «Отряды мифических родственников усердно разрабатывают природные богатства страны: добросердечие, раболепство и низкопоклонничество».

Редактор ЗТСЛЗЗ удалил этот фрагмент. Правка цензурная. Авторы намекали, что главное орудие «мифических родственников» – страх: отказ в помощи, например, брату Луначарского, сыну или дочери «лейтенанта Шмидта» можно было трактовать как проявление нелояльности советскому режиму. Отсюда, соответственно, «раболепство и низкопоклонничество». Но шутка Ильфа и Петрова, еще допустимая на исходе 1932 г., оказалась неуместной через несколько месяцев.

Итогом организационной деятельности Балаганова стал, как известно, съезд «детей лейтенанта Шмидта», где мошенники разделили по жребию сферы влияния, то есть заключили пресловутую конвенцию. Ее и нарушил Паниковский, зашедший на чужую территорию.

В ЗТХЛ61 причина нарушения характеризуется. Но – кратко и невнятно: «Злая звезда Паниковского оказала свое влияние на исход дела. Ему досталось Поволжье. Он присоединился к конвенции вне себя от злости».

Далее так и не объяснено, почему же Паниковский был «вне себя от злости». Но в ЗТАМ все сказано внятно: Паниковскому «досталась бесплодная и мстительная республика немцев Поволжья». В ЗТАМ она неоднократно упоминалась и ранее. Причем от нее все участники жеребьевки «единодушно отказывались».

Официальное название упомянутого административно-территориального образования – Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья. Создана в 1923 г.

Население составляли, главным образом, потомки немцев-эмигрантов, с XVIII в. переселявшихся в Российскую империю. Согласно распоряжениям Екатерины II, немецким земледельческим колониям были предоставлены немалые привилегии: местное самоуправление, налоговые льготы и т. п.

В 1918 г. решением СНК РСФСР на территориях Самарской и Саратовской губерний создана Автономная Область Немцев Поволжья. Она включала три уезда, население – около четырехсот тысяч. Местное самоуправление было отчасти сохранено, хотя административные структуры названы уже по советскому образцу. Второй государственный язык делопроизводства и обучения – немецкий.

Пять лет спустя АО НП реорганизована в АССР НП. Характеризуя ее как «бесплодную и мстительную», авторы романа указывали обстоятельства, известные многим читателям-современникам.

Территория, доставшаяся Паниковскому, была, во-первых, отнюдь не «бесплодной». С точки зрения плодородия – не хуже, а лучше большинства других в Поволжье: очень высоким считался местный уровень развития сельского хозяйства.

Во-вторых, подразумевалось, что поиск «чрезвычайно доверчивых администраторов» среди традиционно аккуратных и дисциплинированных потомков немецких переселенцев был задачей вряд ли разрешимой, да и к мошенникам они не проявляли снисхождения. Если в других регионах дежурные тумачи – худшая перспектива самозванца, то колонисты использовали только законные методы: арест и суд. Вот почему АССР НП и названа «мстительной».

В августе 1941 г. АССР НП ликвидирована. Этнические немцы депортированы, то есть насильственно вывезены и размещены по северным, дальневосточным и среднеазиатским регионам.

Оглашению в печати сведения о депортации не подлежали. Следуя цензурной установке, редактор ЗТСП48 удалил все фрагменты, относящиеся к уже ликвидированному административно-территориальному образованию. Такой вариант и воспроизведен в ЗТСП56 и ЗТХЛ61.

Как известно, Бендер в беседе с Балагановым сообщает, что намерен жить вне Советского Союза. Причина – разногласия с властью: «Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?..»

Авторами в данном случае использована аллюзия на популярное стихотворение В.Я. Брисова «Каменщик». Интерпретируется строка первой строфы: «Каменщик, каменщик в фартуке белом, / Что ты там строишь? кому? / Эй не мешай нам, мы заняты делом, / Строим мы, строим тюрьму».

Таким образом, социализм и тюрьма иронически сопоставлены по критерию принуждения, лишения свободы. Шутка считалась еще вполне допустимой, когда авторы готовили к публикации ЗТФ33, ведь Бендер – в советской традиции – персонаж отнюдь не положительный. Но через несколько месяцев цензурные установки стали более строгими, и редактор ЗТСЛ33 удалил как политически неуместную фразу «Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?..».

Порою цензурско-редакторский азарт обуславливал результаты нелепые до комизма. Так получилось, например, в двадцать девятой главе – «Гремящий Ключ».

Организаторы банкета, посвященного завершению строительства магистрали, пригласили бывшего метрдотеля с досоветским стажем. Тот, согласно ЗТХЛ61, растрогался: «Верьте слову, – бормотал старик со слезами на глазах, – каких людей кормил! Принца Вюртембергского кормил! Мне и денег платить не нужно. Как же мне напоследок жизни людей не покормить? Покормлю вот – и умру!» Он изысканно сервировал огромный банкетный стол, но внезапно нагрянувшие проголодавшиеся гости не дали специалисту закончить начатое, буквально сметая все, что замечали. Ну а ветеран ресторанный дела напился и уехал вместе с железнодорожным персоналом на моторной дрезине. По дороге, как сказано в ЗТХЛ61, вспоминал обиду. «Варвары! – кричал он, высовываясь на бреющий ветер и грозя кулаком в сторону Гремящего Ключа. – Всю сервировку к свиньям собачьим!.. Антона Павловича кормил, принца Вюртембергского!.. Приеду домой и умру!»

Если судить по вышеприведенной тираде, получается, что метрдотель «кормил» одного из принцев Вюртембергских, имя и отчество которого – Антон Павлович. Но хоть какие-нибудь сведения об этой титулованной особе не обнаружили комментировавшие роман по ЗТХЛ61 (см., например: [Щеглов 1991, с. 650]).

Разгадка загадки – в ЗТАМ. Согласно этому варианту, бывший метрдотель, убеждая пригласивших его, приводит не один, а три примера:

Верьте слову, – бормотал старик со слезами на глазах, – каких людей кормил! Принца Вюртембергского кормил! Шаляпина Федора Ивановича! Самого Чехова кормил, Антона Павловича! Я уж не подведу! Мне и денег платить не нужно. Как же мне напоследок жизни людей не покормить? Покормлю вот – и умру!

Так что в другом эпизоде – после банкета – уезжавший на моторной дрезине метрдотель упомянул имя и отчество не принца Вюртембергского, а Чехова. В ЗТАМ нет загадок.

Но вмешался редактор ЗТЖ. Он удалил фрагмент «Шаляпина Федора Ивановича! Самого Чехова кормил, Антона Павловича!»

Допустимо, что упоминание о Шаляпине постольку удалено, поскольку тот гастролировал за границей с 1922 г. и пять лет спустя постановлением Совнаркома был лишен звания «Народный артист республики», а также права на возвращение. Однако необъяснимо, почему редактор не позволил авторам упомянуть Чехова. Надо полагать, лишь редакторского азарта ради.

Впрочем, гораздо важнее другое обстоятельство. Редактор ЗТЖ, дойдя до эпизода отъезда бывшего метрдотеля, оставил там имя и

отчество Чехова, забыв, что ранее сам же из другой тирады изъяслял упоминание о не виноватом перед советской властью писателе. Вот так и появилась титулованная особа, не известная специалистам в области генеалогии.

Обреченный победитель

Можно спорить о том, как относились Ильф и Петров к советскому режиму. Но бесспорно, что победа в погоне за богатством не полагалась Бендеру: таковы были тогда условия функционирования литературы на родине авторов романной диалогии.

В первой книге – романе «Двенадцать стульев» – горло спящего Бендера рассек бритвой сошедший с ума сообщник. Тем не менее авторы пощадили главного героя: он умер во сне, считая себя победителем и не зная, что долгожданная победа ускользнула очередной раз и уже окончательно. Но в итоге получилось, что самый обаятельный герой романа «Двенадцать стульев» – умный и сильный, отважный и великодушный – преступник. Даже более того: мошенник-профессионал. Ему не полагались читательские симпатии, а в их наличии сомневаться не приходилось. Такое противоречие было замечено некоторыми бдительными критиками. Их возражения Луначарский учел в цитированной выше статье:

При этих условиях Остап Бендер, который все разлагает своей философией беспринципности, своим организмом очень умного комбинатора, начинает нас тревожить, как бы не вообразил кто-нибудь, что это – герой нашего времени, как бы Остап Бендер не оказался образчиком для юнцов, не перепрыгнувших еще своего болота.

Тут, согласно Луначарскому, авторам романа «Золотой теленок» надлежит принять соответствующие меры. Бендеру, во-первых, следует проиграть окончательно и безоговорочно. Во-вторых, желательно еще и радикально измениться: «Думаю, что оказаться ему строителем нового будущего очень и очень трудно, хотя при гигантской очищающей силе революционного огня подобные факты и возможны».

Современникам намек был понятен. Речь шла о так называемой перековке – тема дежурная тогда. Если верить писателям и журналистам, в советских пенитенциарных учреждениях посредством труда успешно перевоспитывали осужденных преступников, и они становились образцовыми гражданами социалистического государства.

Собственное ли мнение формулировал бывший нарком и сущий академик, правительственное ли, это уже не имело значения. В любом случае Ильф и Петров не могли вовсе игнорировать выдвинутые условия.

Исходный замысел романа авторам пришлось изменить. Финал повествования стал иным.

Согласно исходному замыслу, последней главой романа была тридцать четвертая. Там – радикальная перемена в жизни главного героя. Выманив шантажом у казнокрада вождеденный миллион рублей, Бендер все-таки не может тратить деньги по своему усмотрению, ведь милиция бдительно следит, чтобы расходы каждого гражданина соответствовали его доходам. Наконец, в погоне за богатством пришлось оставить любимую девушку, отречься от любви ради добычи, оказавшейся ненужной. Анонимно пожертвовав государству несправедливо добытое, он женится на той, которую не мог забыть, и разрыв с криминальным прошлым декларирован: «Придется переквалифицироваться в управдомы».

Невежественный и деспотичный управдом был тогда дежурным объектом сатиры. Потому не конкретный план, а символ подразумевался заявлением Бендера. Так обозначена решимость стать обыкновенным советским гражданином.

В последней сцене романа Бендер, выйдя из загса, смотрит на ту, ради которой решил отказаться от былых иллюзий. Финальная фраза: «Перед ним стояла жена».

Уместно отметить, что в первой книге дилогии Старгород, где начинаются поиски клада, вполне прозрачная аллюзия на Одессу. Но каких-либо ностальгических мотивов нет. Авторы, подобно многим их землякам, вырвались из казавшегося им тесным провинциального города и столичными жителями стали.

Черноморск, где разворачивается основное действие второй книги дилогии, тоже прозрачная аллюзия на Одессу. Но теперь это символ возможного спасения. Вот и Бендер спасен. Он вернулся в родной город авторов романа, отказался от несправедливо добытого богатства и обрел любовь.

Это можно было трактовать и так, что поражение обернулось победой. Если герой после долгих странствий обрел любовь, значит, как подсказывала древняя, но актуальная в литературе традиция, он все же победил.

Неважно кого. В данном случае можно было так интерпретировать, что ради любви Бендер себя победил, свою жажду независимости от советского государства. Этим финалом обозначен некий компромисс.

Финал, разумеется, не оптимистический. Герою, как он сам говорит, тридцать три года, молодость закончилась, устал. Мечта о независимости от советского государства оказалась недостижимой, вот Бендер и согласился примириться с действительностью. Любовь и семья тут в качестве утешительной награды.

Поражение не было окончательным. К тому же первый вариант финала оставил место сомнениям в обоснованности главного пропагандистского тезиса: пусть в СССР нельзя пользоваться нелегально добытым богатством, но ведь Бендер не рискнул перебраться с капиталом через границу. Наконец, если обретение любви – победа, значит, он хоть в чем-то прав. Как подсказывала древняя традиция, без правоты нет победителя.

Луначарский четко обозначил политическую установку: нераскаявшемуся мошеннику победа не положена. Ради издания романа авторы последовательно демонстрировали поражения Бендера – и социальное, и личное. Правда, чтобы дополнить роман, требовалось дополнительное время. Не только авторам, сотрудникам журнала тоже.

В августе 1931 г. редакции журнала, как выше отмечено, пришлось вместо продолжения романа опубликовать статью Луначарского. Но и в сентябре читатели не увидели очередные главы. Ждать их пришлось до ноября, когда вышел сдвоенный номер, то есть десятый-одиннадцатый, а закончилась публикация в двенадцатом.

Прежнюю тридцать четвертую главу заменила новая, причем не финальная. В поезде миллионер знакомится с группой студентов, он становится душой компании, но после его рассказа о своем богатстве новые знакомые спешно уходят. Потому что миллион рублей не скопил бы к 1930 г. даже самый высокооплачиваемый администратор, инженер, военачальник, ученый, писатель, художник, режиссер или композитор, даже частный предприниматель не мог бы легально получить такой суммарный доход за всю нэповскую эпоху, значит, для честных советских граждан Бендер – преступник, чужак. Таково социальное поражение.

В следующей главе Бендер возвращается к девушке, которую оставил, гонясь за богатством. Черноморск / Одесса – опять символ возможного спасения, но главному герою уже не спастись. Раз он неправ, значит, никакой победы, ни в чем. Та, ради которой он вернулся, замуж вышла. Его личное поражение бесспорно: проиграна любовь.

Финальная глава – бегство из СССР. Оно поначалу удается. Но Бендера ограбят иностранные пограничники. Избитый, чудом избежавший смерти, он вновь пересекает границу, возвращаясь туда, откуда бежал.

Таков итог. Незаконно добытым богатством нельзя пользоваться в советском государстве, а вне – отнимут, еще и убить могут. Лучшая и удачнейшая афера Бендера провальной оказалась, причем в силу не зависящих от афериста факторов, которые постойны.

В ЗТАМ поражение Бендера окончательно и безоговорочно. Это и подчеркнуто его итоговой тирадой, произнесенной в одиночестве и опять на советской территории: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в дворники!»

В ЗТАМ последняя фраза эмблематизирует именно трагический финал повествования. Речь шла не о профессии как таковой. Бендер констатировал, что он, спасаясь от гибели, вернулся туда, где нет у него перспектив социальной реализации, а заменить ее нечем: любовь тоже проиграна. Тупик. Значит, впереди не жизнь – выживание. Безысходность. Трагический пафос такой самооценки предсказуемо вызывал бы сочувствие к обаятельному мошеннику. Но тут вмешался редактор ЗТЖ. Он создал новый вариант последней фразы романа: «Придется переквалифицироваться в управдомы». Эту фразу редактор ЗТЖ заимствовал из первого финала романа – тридцать четвертой главы. Однако там Бендер декларирует отказ от криминальной деятельности ради семьи.

Замена, произведенная редактором ЗТЖ, соответствовала цензурным требованиям. В редакторском варианте трагизм выражен не так явно, как прежде: Бендер проиграл любовь, но все еще планирует аферы, пусть лишь на бюрократическом уровне: как управдом – без явного нарушения законов.

Оспорить политически обусловленную редакторскую правку авторы не могли. Но стоит отметить, что они все же не последовали совету Луначарского, не дополнили романную дилогию книгой, где Бендер стал бы «строителем нового будущего».

Литература

- Вулис, Галанов 1961 – *Вулис А.З., Галанов Б.Е.* Примечания // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 2. С. 533–546.
- Горяева 2009 – *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 405 с.
- Одесский, Фельдман 2015 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015. 293 с.
- Одесский, Фельдман 2018 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* История легенды: роман «Золотой теленок» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. М.: АСТ, 2018. С. 409–556.

Щеглов 1991 – *Щеглов Ю.К.* Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1991. Т. 2: Золотой теленок. 714 с.

References

- Goryaeva, T.M. (2009), *Politicheskaya tsenzura v SSSR: 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2015), *Miry I.A. Il'fa i E.P. Petrova: Ocherki verbalizovannoi povsednevnosti* [Worlds of I.A. Ilf and E.P. Petrov. Essays of verbalized everyday life], RGGU, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2018), “The history of the legend. The novel ‘Zolotoi telenok’ in the literary and political context of the epoch”, in Ilf, I.A. and Petrov E.P., *Zolotoi telenok* [The Golden Calf], AST, Moscow, Russia, pp. 409–556.
- Shcheglov, Yu.K. (1991), *Romany I. Il'fa i E. Petrova. Sputnik chitatelya* [The novels of I. Ilf and E. Petrov. Reader's companion], Wiener Slawistischer Almanach, Wien, Austria.
- Vulis, A.Z. and Galanov, B.E. (1961), “Notes”, in Il'f, I.A. and Petrov, E.P. *Sobranie sochinenii* [Collected works], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, vol. 2, pp. 533–546.

Информация об авторе

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the author

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru